

УДК 13.130.1

ДОМ КАК МЕТАФОРА ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИВАТНОСТИ

О.А. Полоскова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь;
Военная академия воздушно-космической обороны
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова (ВА ВКО), г. Тверь

Предметом исследования выступает социальный феномен «дом», представленный в своем метафорическом значении. Выполнен краткий обзор современных толкований дома, ассоциируемым с жилищем, домохозяйством, территорией, границей, приватностью. Дается объяснение причин разрыва взаимоотношения дома и приватности в глобализирующемся мире.

Ключевые слова: *дом, метафора, приватность, граница, территория, бездомье.*

Аристотель в трактате «Поэтика» дает толкование метафоре как перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии. Из такой дефиниции следует вывод об акте мыслительной операции, различных интерпретациях, включая философское и научное понимания. Сложно представить мышление без метафор. Метафорическое мышление включает в себя множество образов. Некоторые из них пустые и ничего не проясняют, а некоторые несут явный отпечаток чего-то. Метафоры чего-то или о чем-то есть отражение определенной эпохи, сопряженных ей ценностных приоритетов, смыслов, ожиданий. Рассмотрим дом как фигуру метафоры.

Значение слова дом тесно связано с глаголом жить, следовательно дом представляет собой нечто необходимое для жизни человека. Большинство словарей в качестве основного значения слова дом приводят «жилое здание / помещение» [6; 8; 12; 14] или «строение, пригодное для жилья». В этом значении слово дом является синонимичным слову жилище [12, с. 190]. Согласно «Историческому энциклопедическому словарю» [8], издревле в разных культурах дом представлял собой некое строение, приспособленное для проживания, при этом границы этого строения были четко очерчены, имели стены, позволяющие оградить живущих в этом строении от всех других. Для того, чтобы живущий мог попасть на территорию своего дома извне, из чуждой среды, в высоких наружных стенах делался единственный узкий проход - дверь, что позволяло эффективнее защищать свой «внутренний» мир от мира окружающего. Дополнительно в стенах проделывались небольшие редкие отверстия – окна, которые ни в коем случае не оставались открытыми, а непременно предполагали различные механизмы изоляции (в зависимости от региона и культурных особенностей), отделения от внешнего мира. Например, на востоке таким способом умышленного отделения домашней жизни от общественной являлись (и по сей день являются) решетки, собранные из тонких деревянных реек, крепящиеся на оконные проемы. Подобные конструкции пропускают свет и дают возможность видеть, что происходит снаружи, но препятствуют тому, чтобы домашняя жизнь стала достоянием общественности. («Дом устраивался в древности... обычно следующим образом: наружные стены редко имели окна, только одна узкая дверь вела во внутренний

двор, куда выходили и двери всех помещений... Окна домов закрывались решетками – тонкими досками с множеством мелких отверстий, через которые было хорошо видно происходящее снаружи и ничего не видно внутри» [8].

Дом – это не только «строение, пригодное для жилья», но «семья, люди, живущие вместе, их хозяйство» [2; 12; 14]. Это значение слова дом раскрывает нам новые грани данного понятия: дом это не только место (где?), но и окружающая обстановка, люди (как?), причем окружающее человека имеет характер традиционный, закономерный, отчасти подчиненный определенным правилам, установленным самим этим человеком. Следовательно, дом – это не только, а точнее не столько, место, сколько практики существования в этом месте, сформировавшиеся под воздействием хабитуса одного человека или группы людей, проживающих, а следовательно, сосуществующих на одной территории. Группа лиц, проживающих вместе и ведущих совместное хозяйство, может быть членами одной семьи, т. е. иметь биологическое родство, а может быть чуждыми друг другу с точки зрения генетики, но входящими в одну социальную группу индивидами. В первом случае мы будем говорить о «династии, роде», «фамилии, поколении» [3; 8; 12; 14;], во втором – о людях, «объединенных общими интересами» [12, с. 169] (и на фоне этих интересов осознанно входящих в определенную социальную группу) или «общими условиями существования» [2; 12; 14] (включённых в социальную группу посредством некоего «социального родства», рода деятельности или сложившихся определенным образом жизненных обстоятельств: детский дом, дом престарелых, дом учителя...). На основании принадлежности/ непринадлежности членов одной социальной группы к одной семье, одному роду «Большой толковый социологический словарь» разграничивает понятия дом и домохозяйство. Согласно данному источнику, «группу людей, совместно проживающих и ведущих общее домашнее хозяйство, имеющих общие интересы и обязанности, но не имеющих родственных отношений» можно называть только домохозяйством, т. к. «в отличие от семьи отношения родства между членами домохозяйства не обязательны, более того, оно может состоять из одного человека, живущего самостоятельно» [2].

Следовательно, дом – это некая территория, надежно огороженная от окружающего мира, и близкие (генетически или духовно) люди, живущие на этой территории, соблюдая совместно выработанные и принятые данным микрообществом правила и традиции. Для каждого члена такого общества дом представляет собой наиболее безопасное и спокойное место, где он может отдохнуть, восстановить свои физические и духовные силы, быть самим собой без постоянной необходимости подчиняться принятым в социуме правилам и условностям. Это не значит, что он не будет соблюдать правил и условностей, установленных в своем доме, просто «внутренние», домашние правила не будут восприниматься каждым членом этого сообщества как «правило», скорее это будет хабитус – привычные практики существования в данном пространстве: человек легко может передвигаться в своем доме в абсолютной темноте, прекрасно знает, где расположены выключатели, как работают коммуникации, где находятся те или иные бытовые приборы и вещи домашнего обихода, автоматически, не задумываясь над последовательностью действий, заваривает чай, достает из конкретных отделений шкафа вещи, здоровается и прощается определенным образом с «домашними», традиционно не садится ужинать пока все «домашние» не собрались вместе за столом... Все эти действия совершаются людьми по привычке. Но, оказываясь в чу-

жом доме или номере отеля, все эти элементарные действия становятся невозможными и требуют от людей тщательного обдумывания и просчетов.

Дом позволяет человеку чувствовать себя в безопасности. Часто это ощущение безопасности необходимо человеку не потому, что он ощущает некую реальную угрозу своей жизни или своему здоровью, а потому, что он просто устал, его психологическое состояние нуждается в восстановлении и лучше всего это может быть сделано именно дома. Когда людям дискомфортно находиться в каком-либо месте, когда они чувствуют усталость или недомогание, нежелание заниматься какой-либо деятельностью, не приносящей им радости или удовлетворения, можно услышать от них слова: «Хочу *домой!*» В этом неосознанном крике души отражены сакральные представления человека о доме как о «центре мира, убежище Великой Матери», символизирующем «замкнутость и защиту» [13]. Причем данное понятие может расширяться до космических размеров или сужаться до размеров плодного мешка в утробе матери: «Культовый дом, хижина или вигвам в племенных религиях олицетворяет космический центр, наш мир, вселенную, а также возвращение в утробу при инициации, нисхождение во тьму перед возрождением или регенерацией» [13]. Это же неосознанное желание оказаться в безопасности звучит как заклинание в детских играх, основанных на преследовании (догонялки, пятнашки, прятки...), когда еще маленький человек, не имея возможности влиять на ситуацию игры, находит в крике: «Я в домике!» единственно возможный шанс на спасение, ведь *дом* – это «место, где, по правилам игры, нельзя преследовать» [14].

Сущностный признак дома – граница, поэтому дом выполняет функцию защиты и обеспечения безопасности. Граница призвана разделить Я и Других, приватное и публичное, и сохранить таким образом приватную жизнь, как неотъемлемую составляющую домашней жизни. Граница дома выступает оппозицией внутреннего к внешнему миру. Внутреннее пространство противопоставлено внешнему. В работе «Дом и мир: проблема приватного и публичного» С.В. Климова [9] пишет об «условности» этой «границы» и указывает на парадоксальность попытки установления границы между внешним и внутренним, публичным и приватным. С.В. Климова отмечает, что для современного человека необходимо совмещение обоих миров, как внешнего, так и внутреннего, подобное слияние является ценным «элементом целостного человеческого окружения», а «...сооружение границы, обособляющей частную жизнь от внешнего мира, представляется значимым для устройства социального пространства современности. И здесь особую значимость приобретает соблюдение Принципа приватности, допускающего частную жизнь и оговаривающего конечные пределы, непроницаемые для внешнего окружения» [9]. Таким образом, границы дома устанавливаются самим человеком и делят социальную реальность на приватное и публичное. Человек, имея биосоциальную природу, формирует собственную социальную реальность, идентифицируя себя с частной и публичной жизнью. Абсолютизация каждой из этих жизней проблематизирует личную, персональную и социальную идентичности, устойчивость границ социальной реальности. По мнению Климовой, «границы приватного пространства, как правило, сужены и локализованы в конкретном месте (доме)» [9]. Попытка расширить «круг вращения», «выставляя жизнь индивида на всеобщее обозрение», искажает «среду обитания (обитель)» и превращает ее в «место общего пользования», что неизменно ведет к «разъединенности, эгоизму, обрыву коммуникаций». «С некоторых пор, дом и общая кух-

ня становятся принципиально несоединимыми понятиями. Неужоженность и запущенность коммунальных квартир – признаки, не соотносимые с идеей дома» [9].

Приватность напрямую соотносится с образом дома. Некоторыми современными философами (Э. Левинас, И. Гофман, Х. Арндт) [1; 4; 11] понятие дома воспринимается как противопоставление внутреннего внешнему, частного публичному. Х. Арндт, например, сопоставляет приватность с пространством лишенности [1, с. 77], но в то же время указывает на ценностное восприятие частного как потаенности (интимности) бытия. Х. Арндт особо подчеркивает, что характерная особенность приватности (и дома как сферы частного бытия, где можно скрыться от публичности) заключается в «отсутствии других» [1, с. 76], что воспринимается положительно. Публичная же жизнь, по мнению философа, представляет собой «поверхность» бытия, которая характеризуется прозрачностью, просматриваемостью. Публичное и частное сосуществуют и являются созависимыми. Таким образом, частное – это нечто тайное, скрытое, интимное. Личная граница социального пространства человека, не подлежащая обсуждению, – непрозрачное бытие человека.

Каждой личностью приватность воспринимается по-разному. Человек определяет границы своей приватности, исходя из своей биосоциальной сущности: личностного познавательного опыта восприятия и переживания физического пространства и различных аспектов социальной и личностной деятельности. Понятие приватности связано с метафорами пространства, дома, территории (границы). Определяя частное как жизненное пространство, личное пространство, жизненное пространство личности, стоит обратить внимание на понятие «жизненное пространство», ставшее центральным в психологической теории поля К. Левина и являющееся психологическим инструментом понимания мотивов, внутренних конфликтов и притязаний человека [10]. По мнению К. Левина, жизненное пространство личности формируется путем взаимодействия окружающей среды и поведения человека, транслирующего его сознательный опыт, в свою очередь включающий в себя цели и ожидания данного индивида. К. Левин рассматривает жизненное пространство личности как познавательный процесс, промежуточным результатом которого становится полученное дифференцированное знание о мире, дающее возможность влиять на имманентные жизненному пространству процессы. Широта жизненного пространства каждого человека индивидуальна и обуславливается масштабом мировоззрений конкретной личности. Жизненное пространство личности нестабильно и подвержено постоянному изменению путем расширения или сужения. К. Левин считает, что наиболее широким жизненное пространство личности становится во время достижения человеком пика жизненной активности и вовлеченности в как можно большее количество социальных коммуникаций, что способствует выработке социального опыта и неизменно отражается на уровне личностного бытия. В то время как потеря социальных связей путем исключения родственников, профессиональных и других коммуникаций неизбежно ведет к сужению жизненного пространства личности.

К. Уилбер [15], один из основоположников трансперсональной психологии считает, что жизненное пространство личности обусловлено границей, которую проводит сама личность между собой и окружающим миром. По мнению К. Уилбера, любая граница представляет собой источник конфликтов, которые могут быть разрешены путем расширения пространства Я с целью

достижения сознания единства с другими людьми и миром в целом. Способность личности осознать мир как свой, присвоить его, определяет диапазон широты жизненного пространства этой личности.

Немаловажным для определения жизненного пространства личности является концепт «проприум», введенный Г. Олпортом [16, р. 236] и обозначающий внутреннее единство личности, переживание смысловой важности соей жизни. По мнению Г. Олпарта, обладание сильно расширенным чувством Я является отличительным признаком зрелой личности. Организация жизни, представляющая собой непрерывное изменение и становление, исходя из системы мотивации с целью расширения и усиления Я, является отличительной особенностью личности. Таким образом, понятие «жизненное пространство личности» складывается из понятий «жизненное пространство» и «проприум» и представляет собой инвариантное видение мира с дифференциацией и приоритетным выделением и переживанием Я-мира, личного, частного, частного бытия. Следовательно, границы личного пространства подвижны.

Современный мир, стремящийся к глобализации, уничтожает понятие «граница» и ставит под сомнение реалии этого понятия. Глобализация ведет к «безграницью», детерриториализации, неопределенности, уходя от противопоставления внутреннего внешнему и рисуя новую реальность, где «внешнее как таковое исчезло, теперь все включено во все» [5, с. 58]. Подобная проницаемость является отличительной чертой современных границ и достигается путем использования современных средств коммуникации, способных преодолевать границы, вторгаться в культурные коды и делать их универсальными, формируя всеобщее социально-коммуникативное поле. Детерриториализация современного мира, стремящегося к глобализации, проявляется в потере традиционной привязанности к земле и в новом восприятии территории как пространства. Динамика глобализационных процессов приводит к замене пространственных признаков на временные. Таким образом, в современном дискурсе такие метафорические «знаки» частного бытия как пространство, территория, граница изменяются: пространство сводится ко времени, территория – к детерриториализации, граница – к пограничью.

Понятие детерриториализация стало отправной точкой для формулировки современными теоретиками (Ф. Гваттари, Ж. Делезом, З. Бауманом) [17; 18] наиболее распространенной и актуальной на сегодняшний день метафоры номада (кочевника). Номад представляет собой «не точку», а «линию ускользания» («...у номада нет точек, путей или земли... Если номад может быть назван детерриторизированным *par excellence*, то именно потому, что с ним не происходит последующей детерриториализации, как с мигрантом» [18, р. 52]. З. Бауман считает, что в современном мире метафоры «бродяга», «турист» являются предпочтительными метафоре «номад» («кочевник»), объясняя это тем, что кочевники перемещаются с места на место без курса передвижения в регулярном режиме, это их образ жизни, в то время как бродяга не имеет в своем передвижении пункта назначения вовсе, а турист «платит за свою свободу, право не обращать внимание на местные заботы и чувства, право создать собственную сеть значений» [17, р. 243].

Таким образом, метафора «дом», традиционно используемая для презентации феномена приватности в социальном бытии, не способна в полной мере раскрыть характерные социально определенченные признаки этого феномена в современном философском и социальном дискурсах. С одной стороны, приватность

обусловлена классическим значением и неотъемлемыми характеристиками дома, такими как: неподвижность, фиксированность, территориализация – а, с другой, – «текучестью» среды, где «границы временами возникают и снимаются, дают течь или исчезают вовсе, тогда как отношения преобразуются без разлома. То есть порой социальное пространство ведет себя как текучая среда» [19, р. 643]. Подобная «текучесть», «подвижность» пространственно-временных способов социального бытия, характерная для современной жизни, разрушает привязку современного человека к дому, конкретному месту, обрывает якорь, удерживающий его в привычном жизненном пространстве личности и порождает «одноразовую» культуру, «одноразовый» дом, не имеющие границ, но, в то же время, не имеющие и ценности. Перемещаясь по миру, человек привыкает к «бездомью», к одноразовому окружению, лишаясь таким образом наличных вещей, памяти, а следовательно и будущего: «Быстрота перемещений, обеспеченная современными технологическими возможностями, смена мест пребывания формируют неустойчивый мир одноразовых отношений, быстротечных знакомств и коротких связей, свойственных постмодерной культуре. Семейные альбомы с пожелтевшими фотографиями уходят в прошлое с кончиной их владельцев, новое поколение выбирает альбомы в Facebook и Instagram, где фотографии являются файлами, которые в любой момент могут быть удалены» [7, с. 19].

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita activa, или о деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/sociologic/domohozyaistvo> (дата обращения – 14.11.2018)
3. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/epithet/dom> (дата обращения – 14.11.2018)
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. 302 с.
5. Гречко П.К. *Онтотологический дискурс современности: историческая продвинутость и ее вызовы*. М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2015. 312 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусского языка [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/dal/dom>. (дата обращения – 11.11.2018)
7. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // *Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 15–24.
8. Исторический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/history/dom> (дата обращения – 11.11.2018)
9. Климова С.В. Дом и мир: проблема приватного и публичного [Электронный ресурс] URL:

- http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177890. (дата обращения – 12.11.2018)
10. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: «Сенсор», 2000. 368 с.
 11. Левинас Э. Время и Другой. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
 12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995. 928 с.
 13. Словарь символов [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/symbol/dom>. (дата обращения – 12.11.2018)
 14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] URL: <http://znachenieslova.ru/slovar/ushakov/dom> (дата обращения – 11.11.2018)
 15. Уилбер К. Никаких границ. М.: АСТ, 1998. 283 с.
 16. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New-York: Holt, Rinehart&Winston, 1961. 593 p.
 17. Bauman Z. Postmodern Ethics. L: Wiley-Blackwell, 1993. 262 p.
 18. Deleuze G., Guattari F. Nomadology. N.Y.: The MIT Press, 1986. 160 p.
 19. Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Amaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. No. 24.

HOUSE AS A METAPHOR FOR THE EXPRESSION OF PRIVACY

O.A. Poloskova

Tver State Technical University, Tver
Military Academy of Aerospace Defense, Tver, Russia

The article examines «house» as a social phenomenon in its metaphorical meaning. A brief review of contemporary interpretations of the «house» phenomenon associated with the dwelling, household, territory, border, and privacy has been carried out. An explanation of the reasons for the breakdown of mutual relations between home and privacy in a globalizing world is given.

Keywords: *house, private, public, privacy, society, family, border, philosophy.*

Об авторе:

ПОЛОСКОВА Ольга Александровна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»; преподаватель Военной академии воздушно-космической обороны им. Г.К. Жукова (ВА ВКО), Тверь. E-mail: poloskova_olga@mail.ru

Author information:

POLOSKOVA Olga Alexandrovna – Ph.D. student of the Psychology and philosophy Dept., Tver State Technical University, Tver; lecturer at the Military Academy of Aerospace Defense named after G.K. Zhukov, Tver, Russia.